ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ НОВГОРОДѢ ВЪ 1814 ГОДУ.

РАЗБИРАЯ бумаги моего дѣда, Діодора Васильевича Трубникова, я нашелъ, между прочимъ, небольшой разсказъ о пріѣздѣ въ Новгородъ, въ 1814 году, императора Александра Павловича, записанный имъ со словъ его отца, Василія Платоновича Трубникова. Разсказъ этотъ, по моему мнѣнію, не лишенъ интереса въ бытовомъ отношеніи, и потому предоставляю его въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника».

Князь Н. Багратіонъ.

Принесли съ почты повѣстку губернскаго предводителя дворянства быть въ губернскомъ городѣ [1])—представиться благородному дворянству самому государю императору.

Призвалъ моего камердинера Петра и велѣлъ приготовить губернскій мундиръ; но какъ не надѣялся, что будетъ въ исправности, то велѣлъ ему показать мнѣ. Темно-зеленое сукно очень заѣдено молью, воротникъ, нѣкогда голубой, показался мнѣ бирюзовымъ съ зеленью, а желтая опушка какъ будто замарана. Это бы еще ничего; но приборъ къ этому очень ужъ въ жалкомъ видѣ, а именно: шпага совсѣмъ порыжѣла, штаны бѣлые казимировые трудно сдѣлать совсѣмъ бѣлыми, а заштопать кой-гдѣ необходимо; бѣлые чулки уже заштопаны, а башмаки можно изъ рыжихъ на-

[1]) Новгородѣ.

ваксить черными, лишь бы влѣзли на ноги, привыкшія къ туфлямъ да валенкамъ.

Двѣ мѣдныя медали прицѣплены на старенькихъ Владимирскихъ ленточкахъ. Но вотъ бѣда! Треуголка или, такъ сказать, шляпа очень затвердѣла отъ старости и на голову не войдетъ; но и то сказать, ее вѣдь придется держать только въ рукахъ; а о перчаткахъ нечего и думать: ихъ почти никто не носитъ въ парадѣ.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, остановился въ собственномъ домѣ, но какъ неожиданно, то въ нетопленныхъ комнатахъ. Завидовалъ дворницкой, откуда изъ часто растворяемыхъ дверей паръ валилъ столбомъ.

10-го января, былъ съ визитомъ у губернатора и уѣзднаго предводителя, сказали, что къ 12-му ожидаютъ государя съ Аракчеевымъ, и условились собраться у губернскаго предводителя.

Вечеромъ всѣ были у губернатора, который очень весело провели. Подавали наливки и играли въ «la mouche» — немного проигралъ. Все говорили, какъ представиться государю, чтобъ было чинно и парадно. Губернаторъ подастъ рапортъ о всемъ благосостояніи; купечество поднесетъ хлѣбъ-соль и, наконецъ, губернскій предводитель представитъ благородное дворянство; а такъ какъ его мало было налицо, какъ и всегда, то и порѣшили нѣсколько изъ губернскихъ чиновниковъ, поблаговиднѣе, тутъ же включить въ депутацію, разумѣется, имѣющихъ мундиры или не одолжившихъ своими нѣкоторыхъ изъ дворянъ, почему-то не имѣвшихъ собственныхъ. Однако, съ десятокъ оказалось дворянъ, ну, другой десятокъ будетъ изъ чиновниковъ, и депутація будетъ приличная.

Губернскій предводитель приготовился сказать поздравительную рѣчь съ жаромъ и тутъ же замѣтилъ, что не удивительно будетъ, ежели получитъ за это и крестъ на шею. Тутъ стало завидно уѣздному, равно какъ и всѣмъ намъ; но какъ я, кромѣ двухъ мѣдныхъ медалей, ничего не имѣлъ, то и сообразилъ, что рано еще мнѣ заниматься честолюбіемъ. Ну, иредводителю туда и дорога, онъ же намъ даетъ обѣды—тратится, а мы въ деревняхъ себѣ копимъ копейку про черный день.

11-го января, обѣдали у губернскаго предводителя—много пили мадеры и дрей-мадеры, а потомъ и наливки. Вечеръ провели тутъ же за бостономъ, домой вернулся поздно, въ 11 часовъ, однако, все еще холодно въ комнатахъ; не удивительно, скоро ль натопишь при 20° мороза.

Утромъ, 12-го, рано проснулся, сердце чуяло необыкновенное событіе! Государь пріѣхалъ; въ десятомъ часу утра велѣно собираться къ подъѣзду походнаго дворца или дома графа Аракчеева [1]).

---

[1]) Домъ этотъ до сихъ поръ сохранился съ двумя каменными львами у подъѣзда. Находится онъ у сада, противъ площади.

Всѣ съѣхались, бѣготня у подъѣзда, говорятъ, что сейчасъ выйдетъ. Генераловъ и всякихъ адъютантовъ множество. Стоимъ въ мундирахъ, кой-какъ прикрывъ головы упрямыми треуголками; морозъ жестокій, подпрыгиваемъ легонько въ чулкахъ и башмакахъ.

Часъ проходитъ, шибко морозъ прохватываетъ... Эти купцы счастливцы въ кафтанахъ, вѣрно, и полушубки надѣты, да и въ валенкахъ, скоты, стоятъ, не понимаютъ дворянскаго благородства!

Однако, жутко намъ далось благородство, едва живые стоимъ. Вдругъ на лѣстницѣ засуетились — идетъ, мы скорѣй шляпенки подъ мышки,—вышелъ государь въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, а графъ Аракчеевъ въ фуражкѣ да и въ старой шинелькѣ. Аракчеевъ оскалилъ на насъ зубы: что, дескать, промерзли, дураки, а императоръ такъ благосклонно приложилъ руку къ шляпѣ, взглянувъ на насъ, что вотъ такъ бы и поцѣловалъ эту руку. Сѣли въ сани и уѣхали въ соборъ. Предводитель тутъ же и шубу надѣлъ и говоритъ намъ: «Господа, надо въ соборъ». Какъ бы не такъ! Во-первыхъ, едва живы, а, во-вторыхъ, гдѣ найти сани, ихъ такъ далеко угнали съ нашими шубами, что не найдешь! И пустился я по площади во весь духъ домой! «Снимайте скорѣй мундиръ, штанишки, чулки. Не отморозилъ ли я себѣ икры—вотъ бѣда! Трите снѣгомъ скорѣй!» Всего себя вытирать велѣлъ снѣгомъ да, напившись пуншу съ французской водкой, легъ въ постель. Что диво, это—то, что никто не простудился. Кого снѣгомъ оттирали, кому и водка помогла, таковы-то были натуры наши.

Говорятъ, государь, какъ только вышелъ изъ собора, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Москву. Тоже говорили, что губернаторъ очень доволенъ; ему Аракчеевъ сказалъ: «У тебя, братецъ, все хорошо». Забылъ сказать: насъ очень удивило, что маркизъ Паулуччи такъ смѣло стоялъ противъ Аракчеева, когда другіе всѣ генералы, охъ, какъ жались передъ нимъ, не плоше насъ, бѣдныхъ; но мы-то были совсѣмъ промерзши: пусть его думаетъ, что это со страха передъ нимъ!